

УДК 008(091):001.89(571.13)

Астафьева О. Н.

Томилов Н. А.

Сорокин А. П.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС: ФОКУСИРОВАНИЕ КАК НАУЧНАЯ СТРАТЕГИЯ

Ольга Астафьева: Беседу с Вами, Николай Аркадьевич, мне хотелось бы начать с поздравлений. Совсем недавно культурологическое сообщество отметило ваш юбилей и наш журнал опубликовал материалы о ваших личных научных достижениях [1]. Они впечатляют и во многом связаны с деятельностью Сибирского филиала Российского института культурологии, бессменным руководителем которого вы являетесь со дня его основания в 1993 г. Более десяти лет он оставался единственным региональным подразделением в структуре нашего института. Давайте вернемся в то далекое время, когда возникла идея его организации. Было ли это решение административным, заданным «свыше»? Возможно, это была чья-то личная инициатива? А, может быть, его появление подсказало время — ведь дата совпадает с периодом утверждения культурологии как научной и учебной дисциплины? Вообще, для истории хотелось бы знать несколько больше, чем домысливать случившееся, опираясь пусть даже и на реальные факты, зафиксированные в официальных документах.

Николай Томилов: Вообще-то с Российским институтом культурологии меня связывают гораздо более ранние годы. Где-то еще в конце 1970-х — начале 1980-х гг., когда я приезжал в Москву, то иногда заходил в Научно-исследовательский институт культуры (тогда он так назывался) и знакомился с отдельными специалистами, которые там работали. Очень сильное впечатление на меня произвела Элеонора Александровна Шулеева, которая тоже занималась проблемами музееведения и соответственно возглавляла отдел НИИ культуры, в котором работали специалисты-музееведы. Дальнейшие

годы показали, что, действительно, сотрудничество омских и московских музееведов в этой области оказалось весьма плодотворным. И в настоящее время мы иногда организуем с Элеонорой Александровной секции по музееведению на различных международных и всероссийских научных форумах, что способствует широкому распространению музееведческих знаний. Музееведение мне всегда представлялось важной частью культурологического знания, точнее, оно относится к семейству культурологических наук, среди которых достаточно много различных направлений, таких как теоретическая культурология, историческая культурология, культурология городского пространства и т.д. Сюда, в этот сонм культурологических дисциплин я и включаю музееведение, или, как его еще по-другому называют, музеологию.

Таким образом, эти сложившиеся связи привели меня к мысли о том, что неплохо было бы иметь и подразделение института в Омске, раз там уже начала складываться группа специалистов, занимающихся проблемами культурологии, а также и в области философии культуры. Философ Владимир Ильич Разумов продолжает развивать это направление и сегодня. А в области истории культуры, здесь, пожалуй, первенство надо отдать Валентине Георгиевне Рыженко. Помимо ученых Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, необходимо назвать еще и ученых-музееведов, работавших в Омске на момент, когда было принято решение о Сибирском филиале. Это, скажем, Петр Петрович Вибе, ныне — доктор исторических наук, директор Омского государственного историко-краеведческого музея, специалист в области музееведения и больше, пожалуй, прикладного музееведения, особенно — музейного менеджмента.

К началу 1990-х стало ясно, что у нас в Омске действительно сложился круг специалистов, способных заниматься изучением различных вопросов в области культурологии. И еще немаловажный факт. Тогда председателем комитета по культуре Омской области работала Нина Михайловна Генова, сама занимавшаяся различными вопросами культурологического направления. В настоящее время она является общепризнанным специалистом в области культурной политики, прежде всего региональной культурной политики в России и недавно защитила докторскую диссертацию на эту тему. Это было очень удачное стечение обстоятельств, что именно на культурную политику в регионе имел влияние человек, окончивший Томский государственный университет (ТГУ), который всегда являлся одним из крупнейших вузов Западной Сибири.

В ТГУ все мысли при преподавании различных дисциплин были направлены исключительно на то, чтобы студенты обязательно занимались научными исследованиями. Именно это, конечно, наложило отпечаток на деятельность Нины Михайловны. Как управленец в области культуры она всегда опиралась в своей работе на ученых и на научные разработки, которые тогда делались, в том числе и по ее непосредственному заданию. Н.М. Генова тоже имела тесные связи со специалистами Российского института культурологии, как он стал называться после вступления Кирилла Эмильевича Разлогова на пост директора. Именно Н.М. Генова подняла вопрос о

возможности создания Сибирского филиала в Омске. Ее идею поддержали Кирилл Эмильевич и Вадим Ильич Ломакин — на тот момент Ученый секретарь РИК. Вадим Ильич активно взялся за решение этого вопроса, прежде всего — в Министерстве культуры (тогда еще РСФСР). Ну, а затем в Москве состоялась моя встреча с Кириллом Эмильевичем Разлоговым и академиком Евгением Петровичем Челышевым. На этой встрече мы обсуждали вопрос о создании Сибирского филиала, шел 1990 год. Этот же вопрос обсуждался и в 1991 году, то есть переговоры начались за три года до создания филиала.

А затем наступил 1992 год и, поскольку это был год обвала финансовой системы, повлекший за собой кризис в стране с его обесцениванием рубля (напомню, людям не выдавали зарплату по несколько месяцев), то сложилась довольно серьезная ситуация... Тогда я и подумал, что вопрос о создании филиала и выделении дополнительных средств на его создание уже никак не может быть решен положительно. Однако в конце 1992 года мне позвонил К.Э. Разлогов и спросил: «Николай Аркадьевич, а что же это Вы к нам не едете? И почему мы не завершаем с вами дела по созданию Сибирского филиала РИК в Омске?». Я ответил: «Да как, неужели в таких условиях возможно об этом вести речь?!». На что он мне ответил: «Да, именно в таких условиях об этом и можно вести речь!». Вот тогда мы вместе с Дмитрием Андреевичем Алисовым (который с самого начала работает у нас заместителем директора СФ РИК) активно включились в работу — приезжали, докладывали концепцию филиала, не раз ее переделывали после замечаний, которые были сделаны на заседании Ученого совета РИК. Наконец, в результате, в феврале 1993 года, в день Защитника Отечества — 23 февраля как раз и был подписан приказ о создании с Сибирского филиала Российского института культурологии. Вот так все и решилось.

ОА: Когда, по вашему мнению, произошла, используя часто употребляемое В.М. Петровым выражение, «самоорганизационная кристаллизация» научного профиля в вашем филиале? Не исключаю, что во многом это было обусловлено не только «территориальной привязкой», но и самим фактом его расположения в Омске — одном из старейших городов Сибири, сохранившем свою неповторимую историко-культурную среду, удивительный по своей выразительности архитектурный стиль; памятники, связанные с историей укрепления рубежей Российской империи и со сложными временами противостояния в период гражданской войны; свое этнокультурное разнообразие, обогащенное напластованием русских традиций и самобытной культуры этносов, населяющих территорию Сибири.

НТ: Да, действительно культурологическая наука именно в 1990-е гг. заявила о себе в полный, как говорится, голос. И это привело к тому, что база для возникновения СФ РИК уже была. Культурология у нас в Сибири, не только в Омске, но скажем и в Кемерово, Барнауле, Иркутске и на Дальнем Востоке развивалась активно — были специалисты, которые занимались разработками различных вопросов культурологической науки. Вдобавок, культурология стала преподаваться в вузах как самостоятельная дисциплина, и это способствовало расширению центров подготовки специалистов-культурологов в нашей стране. Конечно, на первых порах не

обходилось и без курьезов. Часто культурологию преподавали люди мало имеющие отношения к культурологии, например, историки КПСС, но постепенно ситуация выравнивалась и теперь курсы по культурологии читают настоящие специалисты, занимающиеся научными исследованиями в этой области.

Алексей Сорокин: Наверное, многим было бы также интересно узнать, почему наш филиал в Омске получил название не Омского, а Сибирского, и почему именно это название он почти уже 20 лет сохраняет его за собой.

НТ: Да, имеет смысл пояснить это. Дело в том, что цель создания филиала была сформулирована в концепции, предложенной академиком Е.П.Челышевым и директором РИК К.Э. Разлоговым. Нам была поставлена цель стать центром, который бы координировал культурологические исследования в Сибири, а потом организовывал и проводил исследования прикладного характера, обслуживая сибирские территории и административные образования: области, края, республики и даже отдельные районы. К сожалению, необходимо сказать, что поставленная задача, в первые десять лет существования филиала так и не была выполнена. Это связано, в первую очередь, с нехваткой финансов (но она была всегда) и, наверное, с недостаточной инициативой с нашей стороны. Конечно, у нас были отдельные договорные работы, например, с Управлением культуры Новосибирской области, с Тюменским областным краеведческим музеем, но это все же какие-то эпизоды. Конечно, мы проводили по просьбе или по поручению органов власти или учреждений образования и культуры семинары, научно-практические конференции, мы и сейчас их проводим, но все это в основном в границах Омской области, ну и иногда — соседних областей.

На научной основе, мы конечно, развиваем большие связи, у нас есть, например, такие путешествующие научные форумы, как, скажем, симпозиум «Проблемы культуры городов России», состоявшийся в 2010 году в Новосибирске, а в 2012 — в Барнауле.

ОА: Кстати, о городоведческой тематике исследований. Последнее десятилетие мы наблюдаем повышенный интерес Сибирского филиала к урбанистской тематике, к проблематике региональной культурной политики. В определенной степени это касается уникального культурно-природного ландшафта, но скорее — современных этнокультурных процессов, связанных с модернизацией среды и поисками оснований для региональной идентичности. Что стоит за идеей расширения и углубления урбанистической проблематики в исследованиях филиала, за идеей изучения культурно-цивилизационного ландшафта города Омска?

НТ: Я думаю, что так исторически сложилось, что в Омске работало много специалистов, которые и до создания нашего СФ РИК занимались проблемами культуры городов, изучением городского пространства, его социокультурной сферы прежде всего, а также ее взаимосвязи с темпами развития процессов урбанизации, т.е. перехода части сельского населения на жительство в города и его постепенное превращение в городское. В целом урбанизация культуры имеет и

более широкий аспект, это урбанизация самой сельской культуры в известной мере, не только тех, кто переехал в город, но и тех, кто остался в сельской местности, ведь культурная урбанизация происходит и там. Очень важно сегодня изучать различные вопросы, связанные с состоянием культуры городов в настоящее время, потому что и городское население составляет в стране более 70%; вряд ли оно когда-нибудь будет больше...

АС: Как Вы считаете, классический процесс урбанизации сейчас, в начале XXI века еще продолжается или сменяется какими-то иными тенденциями?

НТ: Что же касается сельского населения в нашей стране то его должно остаться не менее 20 процентов, потому что оно крайне необходимо нашей стране на таких огромных пространствах. В аграрном секторе работают и будут работать достаточно многочисленные группы населения, но все же, как говорится, «руководящую роль» в настоящее время играет городская культура; поэтому процессы культурного влияния города на село в развитии социокультурных явлений в нашей стране необратимы. Они очень важны в целом для сохранения историко-культурного наследия, для приумножения этого наследия и главное — для использования его в современной практике, в современной жизнедеятельности людей, россиян, прежде всего.

АС: Хотелось бы спросить о роли культурного наследия. Как мы знаем, в вашей жизни были, наверное, три главных города — родной Енисейск, университетский Томск и, наконец, Омск, который вы увидели в достаточно зрелом возрасте. Все эти три города — города исторические, с определенным, своеобразным культурным ландшафтом. Какое влияние оказывает культурная среда исторического города на человека, на исследователя?

НТ: Безусловно, тот культурный ландшафт, который окружает человека в детстве, юности и молодости, *формирует* человека, формирует его представления об истории, современности, формирует, прежде всего, его мировоззрение. Это огромное влияние вообще культуры, той ее части, которая связана с созданными человечеством ценностями, и это просто формирует человека. Так же и я, наверное, попал под это влияние. С детства я был неравнодушен к музеям, я до сих пор помню, как папа меня в первый раз в музей привел и как я был ошарашен всем тем, что там было: музейными предметами, которые видел впервые в своей жизни; теми историческими событиями, которые проходили у нас в области; личностями, которые в этих событиях участвовали. Конечно, все это производило сильное впечатление, думаю, не только на меня. В Томске тоже. Томск у нас вообще называют «Вторыми Афинами» — и в настоящее время это, наверное, именно такой город, а также город высочайшей нравственности и культуры благодаря тому, что в нем работают крупные вузы. Их не так много, как в Омске, но каждый вуз Томска — это огромный монолит, как и научно-исследовательские учреждения, например, Томский научный центр Сибирского отделения РАН. Все они создавали атмосферу интеллигентного и очень культурного города. И население города соответствовало этой

инфраструктуре: большинство составляла интеллигенция, включающая и преподавателей, и ученых, и студентов тоже.

АС: Вернемся к Омску. Когда более тридцати лет назад вы приехали сюда, у Вас уже было с чем сравнивать. Вы имели отношение к становлению Омского университета, Омского научного центра СО РАН, являетесь директором Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, на ваших глазах происходило становление академической науки, культурологической науки в Омске... Как это было связано с городом? Может быть, Ваши первые впечатления от Омска предопределили дальнейшее развитие событий?

НТ: Первые впечатления от Омска были, замечу, оказались иные. Во-первых, очевидным было то, что здесь гуманитарная составляющая оказалась очень слаба, я всегда считал, что здесь очень тонкий слой интеллигенции, может быть даже тончайший. Все-таки этот город был всегда городом промышленности, военных, и создание здесь университета, конечно, было крайне необходимо в плане увеличения численности интеллигенции в городе, то есть мыслящей части его населения, которая бы способствовала развитию региона, всей Сибири и России в целом, а тогда — почти уже 40 лет назад — и Советского Союза. Университет, конечно, сыграл колоссальную роль в этом отношении. Во-вторых, когда я приехал, здесь было всего 1-2 доктора исторических наук и очень небольшое количество кандидатов исторических наук. Сегодня только в нашем филиале работает семь докторов наук, и шесть из них защитились в период работы в СФ РИК. За двадцать лет, предшествовавших созданию в Омске филиала нашего института, университет создал базу, на которой стало возможно развитие гуманитарной науки.

АС: А каковы, на ваш взгляд, основные направления взаимодействия ОмГУ, вузовской науки и Сибирского филиала РИК?

НТ: Омскому университету повезло, что он создавался самостоятельно, новые кадры здесь собирались из совершенно разных городов... Что касается гуманитариев, то здесь, прежде всего, важны «пришельцы» из Томска и Москвы. Например, В.Г. Рыженко приехала в Омск из Москвы, а В.П. Корзун (тоже не один год работавшая в СФ РИК) — из Ростова-на-Дону. В Сибирском филиале сложилось так, что среди сотрудников РИК преобладают историки по специальности, которые занимаются проблемами изучения культуры и социокультурного пространства. Напротив, научные форумы, которые мы организуем, носят междисциплинарный характер и в них принимают участие ученые самых разных специальностей.

ОА: Николай Аркадьевич, могли бы Вы рассказать о динамике проблематики научных исследований Сибирского филиала, поскольку «фокусирование как научная стратегия» подразумевает постоянное согласование исследовательских стратегий с изменяющейся социокультурной ситуацией, трансформациями в среде. Как вы относитесь к тенденции расширения исследовательской проблематики? Это не столько отход, сколько фокусирование на сложности проблем исторической культурологии...

НТ: Ряд направлений развивались в филиале с самого его основания, и сейчас сложно определить, какое направление было приоритетным... Изначально мы хотели сделать упор на изучении региональной культурной политики. С этой целью совместно с ОмГУ мы проводили различные семинары, затем — конференции. И определенные результаты были достигнуты. Скажем, заведующая сектором региональной культурной политики, профессор, доктор исторических наук Татьяна Борисовна Смирнова, сейчас работает в составе международной экспертной группы. Наш Институт по заданию Министерства культуры Российской Федерации сформировал небольшую группу российских экспертов для подготовки доклада по национальной культурной политике. И нам очень важно, что специалиста такого уровня мы сумели подготовить здесь, в Омске.

Мне кажется, у нас недостаточно прикладных культурологических исследований. Есть у нас попытка создания еще одного направления — военной антропологии. Мы проводим целый ряд научных конференций: «Катанаевские чтения», «Сибирь: вклад в победу ВОВ»... Например, в 2013 г. мы будем проводить большую международную конференцию, посвященную военному образованию, и сама она будет проходить в связи с празднованием 200-летия Омского кадетского корпуса — старейшего военно-учебного заведения. Есть у нас специалисты, которые изучают военную историю, деятельность офицерства, его вклад в развитие культуры Сибири. Такого рода исследования у нас ведутся, и я мечтаю, чтобы Омск стал центром военной антропологии в Сибири.

ОА: Позвольте перейти к весьма «щекотливой» теме. Речь пойдет о внешнем регулировании деятельностью Сибирского филиала, о формах и масштабах организационных воздействий со стороны непосредственного вашего учредителя — Российского института культурологии. Возможно, существуют и еще какие-то внешние инстанции, способствующие или, напротив, отвлекающие ваш небольшой научно-исследовательский коллектив от верности избранной стратегической линии? Юбилейный год позволяет вспомнить и какие-то исторические прецеденты, не раз изменяющие не только ход социокультурных процессов, но и методы их анализа; в конце концов, можно высказать и критические пожелания...

НТ: Я думаю, самое важное в деятельности СФ РИК — это доверие, которое установилось между сотрудниками нашего филиала и сотрудниками РИК, его руководством. Доверие к нам как ученым, возможность действительно самостоятельно определять направления наших исследований, ставить цели и задачи, решать их в научном плане. Это доверительное отношение со стороны Кирилла Эмильевича Разлогова и других руководителей РИК нам очень во многом помогает. Мы самостоятельно решаем многие вопросы, касающиеся развития научных исследований СФ РИК, конечно, все в согласованности с руководством РИК; мы работаем на уровне Ученого совета Института; сотрудничаем во время проведения больших совместных мероприятий — с участием РИК, нашего Сибирского филиала, Санкт-Петербургского отделения, возникшего недавно Южного филиала.

Если говорить о взаимодействии с органами власти, то необходимо отметить, что в свое время с визитом в Омск приезжал тогда еще председатель президиума Сибирского отделения РАН академик Николай Леонтьевич Добрецов. Он спросил меня: «Ну почему Вы, Николай Аркадьевич, с вашими институтами проводите так много конференций? По 8-10 конференций, симпозиумов, семинаров в год?». И я тогда сказал, что все идет по просьбе, по предложениям местных органов власти, прежде всего — Омской области, иногда и соседних областей. Мы идем им навстречу и проводим по их просьбе различные конференции и семинары. То есть связь у нас с органами управления культурой очень тесная, и мы работаем совместно, иногда я даже говорю, что не сотрудничаем, а просто вместе с ними работаем. Прежде всего, в сфере сохранения культурных ценностей и развития культуры нашего сибирского региона.

АС: Могли бы Вы, Николай Аркадьевич, привести пример реализации наших инициатив совместно с органами власти?

НТ: Мы работаем над созданием различных документов для органов власти, и все это началось, конечно, уже в «либеральную» эпоху, когда нами разрабатывалась программа развития культуры Омской области. Была такая программа, мы над ней работали совместно с учеными РИК; от Москвы работу курировал Е.Н. Соколов. Одновременно шла разработка программы развития культуры города Омска — мы сотрудничали с мэрией, и такая программа была подготовлена и реализована. Мы представили научно-исследовательский проект, направленный на решение национально-культурных проблем Омской области. Этот проект также был опубликован в виде отдельных брошюр; ими потом многие годы пользовались различные национально-культурные организации, которые возникли у нас в Омской области.

Для разных этнических групп мы готовили комплексы предложений по развитию национальных культур; затем как эксперты принимали участие в выработке концепции национальной политики Омской области. Такая концепция была принята, и она стала работать. Нас просили разработать проект программы музеефикации Омской области и, естественно, мы такую программу сделали, и она внедрялась в жизнь на протяжении многих лет. Все это привело к тому, что в каждом муниципальном районном центре теперь имеется, как минимум, по одному музею, а где-то есть и большее количество. Этот проект музеефикации привел к тому, что Омская область сейчас занимает третье место по количеству музеев. Есть специалисты, которых мы рекомендуем по просьбе органов культуры при кадровых назначениях. Наши сотрудники входят в ученые советы по культурологии в Барнауле и Кемерово, в докторские диссертационные советы, ученые советы музеев.

ОА: Подлинная наука не может и не должна быть конъюнктурной, но исследователи, включенные в определенный социокультурный контекст, зачастую (возможно, и не ведая того) испытывают искушение быть «в авангарде». Сегодня технологии «самопиара» весьма распространены в

науке. Причем, они существенно отличаются от технологий «научного позиционирования», которые в коммуникативном инструментарии присутствуют как сущностный компонент.

Вы полагаете, что избранный исследовательский ракурс (или, если хотите, закрепленный за филиалом «тематический сегмент» исследований) не претерпевал резких изменений на протяжении всей истории существования СФ РИК. Нет оснований сомневаться, что так и есть. Библиография трудов сотрудников филиала — тому подтверждение. Однако, согласны ли вы, как главный редактор журнала «Культурологические исследования в Сибири», что нюансы и интерпретации (далеко не «мелочи» в общей канве размышлений) в последнее время несколько изменились? И внешняя среда сыграла в этом не последнюю роль. Массмедийные дискурсы об «экономическом процветании» как основной цели развития, охватившие сферу политики в начале 1990-х гг., не оставлявшие места для культуры, сегодня с такой же интенсивностью продвигают идею, которую С.Хантингтон лаконично обозначил словами «культура имеет значение».

Суть вопроса не в том, чтобы услышать ваше категоричное «да» или «нет», а в том, чтобы разобраться, когда социально-гуманитарное знание обогащается (или «отягощается») политическими оценками и идеями, оно теряет свою самодостаточность и самооценку, или, напротив, фундаментальность соединенная с практикоориентированностью культурологии способны корректировать модели социокультурной политики, реализуемые коллективными субъектами культурной политики?

НТ: Я прямо скажу: в целом у нас очень слабые связи науки с властью. Я с благодарностью вспоминаю времена президентства Б.Н. Ельцина, тогда нам была дана реальная возможность высказываться в научных исследованиях, настаивать, определять направления, создавать научно-исследовательские программы, проекты, научно-исследовательские учреждения. К примеру, были созданы ОФ ИАЭТ и СФ РИК. И тогда власть опиралась на науку. Это было время смены лица страны, происходили большие перемены в экономике, переход на «капиталистические рельсы» развития, рыночные отношения. Мне посчастливилось принять участие в конце 1980–90-х гг. во Всероссийской научно-исследовательской программе сохранения народов России и возрождения, где по линии Министерства средне-специального образования происходила организация и финансирование этой программы. Программа работала на базе Санкт-Петербургского университета (мне удалось войти в состав руководства этой программой, я был заместителем председателя научного совета данной программы) и завершила свое действие в 1996 г., однако эти первые годы были довольно активными и в плане взаимодействия власти и ученых по решению очень важных проблем. В это время я как раз курировал блок по исследованию культуры в России, философии культуры, куда входило и искусствоведение, и другие направления. И вот тогда мы чувствовали свою необходимость.

Сейчас другое время. Сейчас почему-то все наши попытки что-то передать власти, какие-то предложения, рекомендации, к сожалению, наталкиваются на различные бюрократические

отписки. Я не вижу, несмотря на то, что есть общественный совет по культуре при Президенте РФ и другие институции, я пока не вижу, чтобы наши концепции, наши практические рекомендации, предложения были востребованы на уровне федеральной власти.

ОА: Верите ли Вы в то, Николай Аркадьевич, что значимость и ценность научных трудов культурологов страны, да и конкретно ученых — сотрудников вашего филиала, их экспертных заключений по мемориализации территории, участие в подготовке национального доклада по культурной политике и другая работа, которая казалось бы «возвышается» над реальными повседневными процессами в обществе, а со стороны и вовсе кажется делом бесполезным (а порой и даже вредным), способны повлиять на открытость и демократизацию среды в российском обществе?

НТ: Я думаю, что в итоге все равно эти процессы идут в правильном направлении и все равно приведут к тому, что власть будет опираться на научные разработки в решении социокультурных вопросов развития Российского общества, то есть все равно будет опираться на мнение ученых. От этого никуда не уйдешь. Есть, конечно, опора на науку, но она недостаточна. Страна находится по-прежнему в кризисе, и этот кризис проявляется не только в экономике, в финансах, в социальной сфере, но и в сфере культуры, безусловно. И вопросы дальнейшей положительной стабилизации и дальнейшего развития культуры россиян будут требовать к себе большого внимания. Об этом упомянул в своем выступлении и Президент РФ В.В. Путин.

АС: У нас в Сибирском филиале ежегодно проводится конкурс среди ученых на освещение проблем науки в средствах массовой информации. Как вы считаете, какова роль СМИ в пропаганде науки, как вы понимаете роль масс-медиа и ученых в деле популяризации результатов исследований?

НТ: Мне представляется, что каждый ученый должен заниматься научной пропагандой, пропагандой научных знаний. Это, по-моему представлению, входит в его обязанность. Тот, кто этим не занимается, не понимает важности результатов научных исследований в жизнедеятельности человека, их значимости для отдельных его общностей, регионов, стран. Везде ученые должны по возможности распространять научные знания и по возможности влиять на процессы формирования картины мира, мировоззрения у населения, на формирование установок по оценке различных явлений в жизни людей. Здесь роль ученых должна быть велика.

АС: И еще один вопрос. Лично для Вас, если оглянуться назад, оценить эти 20 лет вашей деятельности в Сибирском филиале, что было самым значимым для Вас как для директора, ученого, человека?

НТ: Для меня наиболее значимым в моей деятельности в Омске и филиале в том числе, является то, что нам удалось создать коллектив, удалось собрать научные кадры, которые способны на достаточно высоком профессиональном уровне ставить задачи научных исследований и

добиваться решений этих задач. Сегодня здесь работает коллектив ученых, способных самостоятельно вести научные исследования. Я очень рад этому. Самое главное, что мы создали здесь научные коллективы разных, причем несколько направлений. И самое важное то, что мы создали коллективы культурологов.

ОА: Да, это так. В заключение добавлю, что тот профессионализм и та гражданская позиция, которыми пронизаны публикации сотрудников Сибирского филиала РИК, бережно относящиеся к нашей истории, придают их текстам особый культурологический ракурс. В свою очередь, результаты деятельности коллектива позволяют считать присутствие группы сибирских исследователей в числе ученых нашего института естественным и закономерным явлением, которое было востребовано самой жизнью и не утратило своей актуальности и поныне. Пользуясь случаем, передаю от имени редакции журнала искренние поздравления коллегам с нашим юбилеем. Всему коллективу — пожелания творческих успехов! Спасибо за интервью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] К 70-летию Николая Аркадьевича Томилова // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. 2011. № 3 (5). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/82.html&j_id=7 (дата обращения: 20.12.2012).

Материал подготовлен к публикации А.П.Сорокиным.

© Астафьева О. Н., Томилов Н. А., Сорокин А. П., 2012.

Материал поступил в редакцию 20 декабря 2012 г.

Астафьева Ольга Николаевна,

доктор философских наук, профессор,
заведующая Сектором стратегий социокультурной политики,
Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: onastafieva@mail.ru

Томилов Николай Аркадьевич,

доктор исторических наук, профессор,
директор Сибирского филиала
Российского института культурологии (Омск),
e-mail: tnz2002@rambler.ru

Сорокин Алексей Петрович,

научный сотрудник

Сектора сохранения и изучения культурного наследия,

Сибирский филиал

Российского института культурологии (Омск),

e-mail: ap40in@mail.ru

UDC 008(091):001.89(571.13)

Astafieva O.

Tomilov N.

Sorokin A.

**HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC PERSPECTIVE
FOCUSING AS A RESEARCH STRATEGY**

Précis. Discussion addresses the key stages in development of cultural research in Omsk, establishment of the Siberian Branch of the Russian Institute for Cultural Research and its main achievements.

Astafieva Olga Nikolaevna,

Doctor in Philosophy, Professor, Editor in Chief,

Head of the Department for Strategies of Sociocultural Policies,

Russian Institute for Cultural Research (Moscow),

e-mail: onastafieva@mail.ru

Tomilov Nikolai Arkadievich,

Doctor in History, Professor,

Director of the Siberian Branch of the Russian Institute for Cultural Research (Omsk),

e-mail: tnz2002@rambler.ru

Sorokin Alexei Petrovich,

Researcher at the Department for Preservation

and Study of Cultural Heritage, Siberian Branch of the Russian Institute for Cultural Research (Omsk),

e-mail: ap40in@mail.ru